

ПОЛИЦИЯ
РОССИЯ

УЧАСТКОВЫЙ

Дом без зеркал ♥

18+

Нина Кислицына

Дом без зеркал

«Автор»

2026

Кислицына Н.

Дом без зеркал / Н. Кислицына — «Автор», 2026

Он хотел выжить её из участка. Она хотела просто работать. Потом за ней начал ходить человек с письмами печатными буквами — и Макар стал ночевать у неё дома. Полгода он искал её, когда все считали, что она погибла, и нашёл в доме, где она не помнила даже собственного имени. Детектив о двух участковых, которые прошли через преследователя, отравление, потерю памяти и десяток чужих преступлений — и остались вдвоём.

© Кислицына Н., 2026

© Автор, 2026

Нина Кислицына

Дом без зеркал

Глава 1

Клара пришла в пункт полиции в шесть минут девятого, хотя смена начиналась с девяти. Дверь открылась тяжело, с нажатием плечом: старая краска в пазах разбухла от сырости, и ключ поворачивался с двух попыток. В коридоре пахло мокрой шваброй и табаком, который въелся в стены ещё до ремонта. На доске объявлений висели графики дежурств, приколотые кнопками в четыре слоя — новые поверх старых.

Кабинет был один на двоих. Окно выходило во двор с тополем, на подоконнике стоял облупленный эмалированный чайник и три гранёных стакана, два из них — с засохшими чайными кругами на дне. Стол у окна был занят: бумаги подшиты в папку, ручка лежит поперёк блокнота, кружка с отбитой ручкой стоит строго на подставке. Второй стол, у стены, был пуст — только пыль и след от чьей-то кружки, которую унесли.

Клара повесила куртку на гвоздь за дверью, достала из сумки ноутбук, папку с личными делами района, поставила на столешницу свой термос. Потом обошла кабинет, открыла шкаф с документами, прикинула, где что лежит. За окном дворник сгребал мокрые листья, скребок шёл по асфальту с длинным скрипом.

В половине девятого в коридоре загремели шаги. Дверь открылась без стука.

Макар был выше её на голову, в форменной куртке нараспашку, поверх рубашки — мятая футболка. Волосы влажные, будто он только что умылся в дежурке. Он остановился на пороге, посмотрел на её стол, на термос, на ноутбук, потом на неё.

— Ты кто?

— Участковый уполномоченный Клара Ветрова. Приказом направлена к вам в пункт с сегодняшнего дня.

Он подошёл, взял со стола её папку, перелистал, не спрашивая. Вернул на место, но не там, где лежала, — сдвинул к краю.

— Ветрова, — сказал он. — Значит, мне ещё одну звезду на погоны. Мне освободили стол, я смотрю. Думал, бумаги некуда положить.

— Стол освободили по рапорту. Я его не просила.

— Ага. — Он снял куртку, бросил на спинку стула, сел, откинулся, заложил руки за голову. — Слушай, Ветрова, давай сразу. Участок — это не академия. Тут район, четыре тысячи человек, из них половина меня знает по имени, а вторая половина — по отчеству. Пока ты будешь учиться ходить по подъездам, я буду разгребать за тебя жалобы. Мне это не нужно. Держись тихо, бумажки пиши аккуратно, и, может, переведёшься куда-нибудь к весне.

Клара выдвинула стул, села, открыла ноутбук. Экран загружался долго, с полосой на середине.

— Я пришла работать, — сказала она. — Не мешать.

— Все так говорят.

Он встал, взял свою кружку, налил из чайника в стакан и сунул стакан ей на стол, пролив на папку. Тёмная капля расплзлась по обложке.

— Пей, пока горячий.

Клара взяла стакан, вылила остатки в раковину у шкафа, ополоснула и поставила на подоконник дном вверх. Макар смотрел на это, не отводя глаз.

— Обиделась?

— Нет, — сказала она. — Стакан был грязный.

В десять, когда она разбирала жалобу на соседа с колонками, Макар снял трубку, послушал и, не попрощавшись, отключился.

— Поехали. Второй подъезд на Кирова, девятый дом. Опять Тумановы. Соседи говорят, там кого-то бьют.

Клара закрыла ноутбук, надела куртку. На улице моросил дождь, мелкий, ровный. Макар шёл к машине, не оглядываясь, дверь пикнула, он сел за руль, и Кларе пришлось садиться с его стороны во двор, обходя машину по луже.

В квартире было тесно, в тёмной прихожей пахло газом и стиркой. Женщина лет сорока сидела на табурете у стены, держала у щеки полотенце, на полотенце проступало бурым. У кухонного стола стоял мужчина в майке, руки в карманах трико, и смотрел в стену.

Макар вошёл первым, остановился на середине комнаты, развернул плечи.

— Опять, Валера? — сказал он. — Я тебе в прошлый раз что говорил? Ещё раз — поедешь в отдел, оформим как надо.

— Да я её не трогал. Она сама на полку полезла, я её держал.

— Держал он, — сказала женщина в стену.

Клара подошла к ней, присела на корточки, попросила убрать полотенце. Рассечение над бровью, длиной с ноготь, кровь уже остановилась, но край раны был ровный, такой о полку не получишь. Она подняла глаза на Макара.

— Ей нужно в травмпункт. И заявление.

Макар обернулся.

— В травмпункт — да. Заявление — ей решать.

— Побои — это уже не её решение. Дело по факту.

— Ветрова, — сказал он ровно, с расстановкой, как говорят с недалёкими, — это семья. Семья у нас в районе — отдельная история. Люди живут двадцать лет, потом мирятся, потом ты ходишь по кабинетам и объясняешь, почему развалила им жизнь.

— Я никому жизнь не разваливаю. Я фиксирую побои.

— Ты фиксируешь побои в первый день работы в пункте, где тебя никто не знает. Они потом откажутся, оба. И муж, и жена. И будут на тебя же жаловаться. Поняла?

Клара выпрямилась. Полотенце она держала в руке, мокрое, тёплое ещё. Ей хотелось сказать ему, что за одиннадцать минут в этом кабинете он успел переложить её папку, назвать её звездой на погонах и вылить чай на личные дела, а теперь ещё объясняет ей, как работает район, будто она приехала из другого города с чемоданом без ручки. Хотелось сказать коротко и точно. Она сложила полотенце и положила женщине на колени.

— В травмпункт я вас отвезу сама, — сказала она. — Врач зафиксирует. Дальше — как хотите.

Макар усмехнулся, достал телефон, начал набирать кому-то. За окном дождь усилился, по жестяному отливу застучало часто и дробно.

Обратно ехали молча. Он вёл, положив локоть на край окна, и на повороте сказал в лобовое, будто ей, будто никому:

— Как знаешь. Только потом не проси, чтобы я тебя вытаскивал.

Клара смотрела на дворники, ходившие туда и обратно по стеклу. Перед глазами стояло полотенце в бурых пятнах и то, как женщина молчала, пока её называли Валерой «она сама». В груди поднялось горячее, тяжёлое, подступило к горлу; она сжала ремень безопасности, считая до пяти, потом до десяти, потом ещё раз до десяти. Дышать стало ровнее.

— Не попрошу, — сказала она.

Макар ничего не ответил. Приехали в пункт, он первым вошёл в кабинет, включил чайник, сел за стол у окна и начал писать. Клара села за свой, к стене, и до конца дня они не сказали друг другу ни слова. Только два раза сталкивались локтями на подоконнике, когда тянулись к розетке.

Дальше пошло по кругу. Клара приходила к восьми сорока, ставила чайник, разбирала почту из ящика на двери — повестки, объяснения, жалобы, написанные от руки на тетрадных

листах. Макар приходил к девяти, а то и к половине десятого, и первое, что делал, — открывал окно, потому что ему «душно». Ветки тополя касались стекла, осенняя мошка лезла в кабинет, и к обеду на подоконнике лежал чёрный слой.

Он не кричал на неё. Кричал он на людей в подъездах, громко, коротко и с толком, так, что запоминалось. С Кларой он работал иначе: как будто её тут нет.

— Ветрова, ты журнал участка не читала? Там на третьей странице про Тумановых всё написано. Читать надо, а не заявления строчить.

— Читала. В марте она отзывала заявление, в июле писала снова. В июле у неё было растяжение, сейчас рассечение. Материал я передала.

— Передала она. — Он брал её папку, перелистывал, возвращал. — И что теперь? Участковый придёт, скажет: «Валера, не надо». Он не надо. Он полгода не надо, потом опять.

— Значит, снова придём. И снова составим.

— Значит, снова придём, — передразнивал он, тонко, с прибавкой сверху.

Клара поворачивалась к экрану и печатала дальше. Пальцы на клавишах слушались, а в затылке стояло горячее давление, будто там кто-то держал ладонь.

Провокации были мелкие, как комары. Он переставлял её термос подальше от розетки. Включал радио на новостях, когда она принимала по телефону заявителя. Сдвигал её стул к стене так, чтобы за спиной не оставалось места, и на вопрос отвечал: «Удобнее тебе, чтобы сзади никто не ходил». Один раз надел её куртку — она лежала на спинке, он в ней вышел покурить и вернул, оставив на подоле бурое пятно от пальцев. Клара вывесила куртку на гвоздь внутренней стороной и утром в понедельник пришла в пальто. Он хмыкнул и сказал, что в пальто её быстрее поймут, когда побежит.

— Зачем вы это делаете? — спросила она как-то в конце смены, когда он собирал бумаги.

— Что делаю?

— Всё. Без разницы, что именно.

Макар сдвинул бумаги в папку, щёлкнул замком.

— Я тебе не враг, Ветрова. Я тебе объясняю правила. Ты не слышишь — значит, я плохо объясняю. Значит, буду объяснять дальше.

— Спасибо, я поняла правила.

— Тогда сходи в шестнадцатую квартиру по Кирова, четырнадцать. Там бабушка держит собаку на балконе и не открывает никому. Полгода жалобы. Разберись, ты же у нас по бумажкам.

Он ушёл, и Клара сидела ещё минут двадцать, положив ладони на стол. Потом поехала на Кирова, четырнадцать, простояла под дверью шестнадцатой сорок минут, поговорила через дверь с бабушкой про погоду, собаку, таблетки, оставила номер телефона, вернулась и написала в отчёте всё, как было. Через три дня бабушка позвонила сама и назвала её по имени-отчеству. Макар прочитал отчёт, ничего не сказал и на следующий день снова переставил её термос.

В ноябре заявление пришло на её имя. Не на пункт, не на Макара, а на неё: гражданка Соловьёва, тридцать семь лет, сообщала, что кто-то кладёт ей на балкон коробки с мёртвыми голубями, и что участковый Ветрова «должна лично принять меры». Адрес был через два дома от её съёмной квартиры.

Клара приехала вечером. Соловьёва открыла сразу, будто ждала, и провела её на балкон. Там действительно стояла обувная коробка, прикрытая крышкой, а под крышкой — серая тушка, вторая, и три отрезанных петушиных лапы, сложенные кольцом. Клара заглянула, не отшатнулась, попросила пакет и перчатки.

— Кто-нибудь видел, кто подходил?

— Не знаю. Собака лаяла вчера ночью, я не вышла, у нас домофон сломан, всем всё равно.

Клара сфотографировала содержимое, упаковала, переписала приметы, опросила соседей по подъезду — три квартиры, никто не слышал. Соловьёва держала её руку, когда прощалась, и сказала, что «в прошлый раз участковый сказал: это мальчишки». Клара записала и это.

В пункте Макар уже стоял у своего стола. Она положила рапорт на край столешницы.

— У Соловьёвой на балконе кто-то оставляет мёртвую птицу. Трижды за две недели. Я опросила подъезд, взяла образцы, отправила на осмотр.

— Ага, — сказал он, не поднимая головы. — И что там у неё, по-твоему?

— Пока не знаю.

— Не знаешь. Вот когда узнаешь, тогда и рапорт. А то у тебя на Соловьёву бумага, а на Тумановых бумага, а на меня у тебя бумаги нету, хотя я тебе объясняю, объясняю...

Он вдруг остановился и посмотрел на неё в упор, снизу вверх, со своего стула.

— Устала?

— Нет.

— Хорошо, — сказал Макар. — Сходи домой, Ветрова. От тебя пахнет голубем.

Дома Клара сняла пальто в прихожей, поставила пакет с упакованным материалом в угол — забрать утром, — вымыла руки до локтей, долго держала их под горячей водой, пока кожа не стала красной. В зеркале над раковиной её лицо было спокойное, только скулы выступили резче обычного. Она легла, не читая, и уснула раньше, чем доехала до середины главы в книге на подушке.

Её разбудил звонок. Незнакомый номер, местный, восемь цифр. Она взяла.

В трубке дышали. Ровно, спокойно, долго, и ни слова.

— Слушаю вас, — сказала Клара.

Дыхание оборвалось. Гудки. Она посмотрела на время: два часа девятнадцать минут. Позвонила в пункт — там ночной наряд, дежурный сказал, что у них всё тихо, и спросил, нужно ли записать обращение. Клара сказала, что не нужно, и до утра лежала с открытыми глазами.

Утром она отнесла упаковку в отдел и дождалась, пока эксперт откроет коробку. Крылья у обеих птиц были подрезаны ножницами, ровно, по одной линии, — так не делают ни мальчишки, ни вороны, ни собаки. Лапы петуха отрезаны тоже чисто, одним движением, у основания. Эксперт, пожилой, в очках с одной заклеенной линзой, посмотрел на неё поверх стола.

— Аккуратный, — сказал он. — Ножницы садовые, а может, секатор. Кто-то сидит и работает. Ты на балконе-то замок проверь.

Макар вошёл в этот момент, услышал конец фразы, поставил свой стакан.

— Что там?

— У голубей крылья подрезаны, — сказала Клара. — Не мальчишки.

— Ну, — Макар пожал плечами, — значит, сосед-пенсионер. У нас на Кирова один такой разводит кроликов на балконе. Сходи, посмотри, кто в доме держит птицу.

— Я уже опросила три квартиры из шести.

— Значит, опроси четыре. — Он сел, развернул газету. — Ветрова, только не начинай.

Клара не начала. Она дописала рапорт, отдала его начальнику пункта и поехала к Соловьёвой сама, без вызова. Дом был серый, панельный, второй от её собственного; балконы выходили во двор, где стояли ржавые гаражи и помойка с синими контейнерами. Двор был проходной: три арки, детская площадка, кусты у стены. Клара постояла под балконом, глядя на третий этаж, и в стекле окна, слева, мелькнула тень — кто-то отступил от подоконника.

Она поднялась. На третьем этаже, у двери соседки Соловьёвой, висел новый замок; старый, английский, сняли, отверстия от саморезов ещё светили голым деревом. Клара позвонила. Никто не открыл. Она спустилась, села в машину и просидела во дворе до темноты, но тот, кто жил за стеклом слева, больше не появился.

Через два дня на её собственном балконе оказалась такая же обувная коробка. Клара вернулась со смены в половине десятого, включила свет на кухне и увидела прямоугольник на

подоконнике за стеклом — прижат кирпичом, чтобы ветер не снёс. Внутри лежала одна мёртвая птица и записка, сложенная вчетверо, печатными буквами, без единой ошибки: «КЛАРА, Я ВСЁ ВИЖУ. КАЖДЫЙ ДЕНЬ».

Она позвонила в дежурку, дождалась наряда, оформила всё как надо: изъяли коробку, сняли отпечатки с кирпича, составили протокол. Потом вернулась в квартиру и до утра сидела в прихожей на табурете, у двери, с телефоном в руке. Замок был новый, железный, с двумя засовами, но у двери осталась щель в сантиметр; под неё по полу тянуло холодом.

На следующий день она пришла в пункт с покрасневшими глазами и впервые за две недели села не за свой стол, а на подоконник, потому что за столом не сиделось. Макар разбил бумаги, искоса глянул, потом подошёл и закрыл за ней окно.

— Ты что, Ветрова, простудиться хочешь?

— Нет.

— Между прочим, — он вернулся к столу, — мне вчера звонили из дежурки. Про коробку у тебя дома. Это ты так шутишь?

— Это не шутка.

— Тогда пиши рапорт нормально, а не в стол. Тебе кто-то на балкон лезет, а ты у нас одна в квартире, без собаки, без мужа, без ничего. Так дела не делают.

Клара подняла на него глаза. Он смотрел не насмешливо: лицо было тяжёлое, будто он решал что-то про себя, и это длилось секунды три.

— У меня нет никого, — сказала она. — Вы правы.

— Вот. Вот именно. — Он сел, выдвинул ящик, достал оттуда свой телефон. — Дай номер.

— Зачем?

— Затем, что я участковый. Ты работаешь на моём участке. Если с тобой что-то случится, бумажки будут мои. Диктуй.

Она продиктовала. Он сохранил, пролистал что-то, отправил короткое сообщение — её собственный телефон дёрнулся на столе, — и положил свой в карман.

Глава 2

В четверг её послали на проверку адреса в частном секторе: заявление от соседей, что в доме на две хозяина кто-то постоянно жжёт в печке что-то с запахом химии. Клара приехала к трём, калитка была открыта, во дворе лежал свежевыпавший снег — первый в этом году, ещё тонкий, — и на нём от калитки к дому шла одна цепочка следов, но обратной не было.

Она вошла во двор, и первое, что бросилось в глаза, — это газонный шланг, прокинутый от колонки к двери, с петлёй на ручке. Шланг был политый водой изнутри и блестел. Второе — приоткрытая дверь с тёмной щелью в палец. Третье — запах. Не химия. Газ.

Клара сделала шаг, потянулась к двери и почувствовала, как сзади её за шиворот, за капюшон, дёрнули назад, всей рукой, — так, что ноги проехали по снегу. Макар развернул её лицом к себе, толкнул к калитке и только потом отпустил.

— В машину, быстро.

— Там газ...

— Я знаю, что там газ, — сказал он, набирая номер на телефоне, и голос у него сел до хрипа. — Я мимо ехал, увидел, что ты во двор зашла, а у дома петля на ручке. Стой у калитки, не подходи.

Утром она отнесла упаковку в отдел и дождалась, пока эксперт откроет коробку. Крылья у обеих птиц были подрезаны ножницами, ровно, по одной линии, — так не делают ни мальчишки, ни вороны, ни собаки. Лапы петуха отрезаны тоже чисто, одним движением, у основания. Эксперт, пожилой, в очках с одной заклеенной линзой, посмотрел на неё поверх стола.

— Аккуратный, — сказал он. — Ножницы садовые, а может, секатор. Кто-то сидит и работает. Ты на балконе-то замок проверь.

Макар вошёл в этот момент, услышал конец фразы, поставил свой стакан.

— Что там?

— У голубей крылья подрезаны, — сказала Клара. — Не мальчишки.

— Ну, — Макар пожал плечами, — значит, сосед-пенсионер. У нас на Кирова один такой разводит кроликов на балконе. Сходи, посмотри, кто в доме держит птицу.

— Я уже опросила три квартиры из шести.

— Значит, опроси четыре. — Он сел, развернул газету. — Ветрова, только не начинай.

Клара не начала. Она дописала рапорт, отдала его начальнику пункта и поехала к Соловьёвой сама, без вызова. Дом был серый, панельный, второй от её собственного; балконы выходили во двор, где стояли ржавые гаражи и помойка с синими контейнерами. Двор был проходной: три арки, детская площадка, кусты у стены. Клара постояла под балконом, глядя на третий этаж, и в стекле окна, слева, мелькнула тень — кто-то отступил от подоконника.

Она поднялась. На третьем этаже, у двери соседки Соловьёвой, висел новый замок; старый, английский, сняли, отверстия от саморезов ещё светили голым деревом. Клара позвонила. Никто не открыл. Она спустилась, села в машину и просидела во дворе до темноты, но тот, кто жил за стеклом слева, больше не появился.

Через два дня на её собственном балконе оказалась такая же обувная коробка. Клара вернулась со смены в половине десятого, включила свет на кухне и увидела прямоугольник на подоконнике за стеклом — прижат кирпичом, чтобы ветер не снёс. Внутри лежала одна мёртвая птица и записка, сложенная вчетверо, печатными буквами, без единой ошибки: «КЛАРА, Я ВСЁ ВИЖУ. КАЖДЫЙ ДЕНЬ».

Она позвонила в дежурку, дождалась наряда, оформила всё как надо: изъяли коробку, сняли отпечатки с кирпича, составили протокол. Потом вернулась в квартиру и до утра сидела в прихожей на табурете, у двери, с телефоном в руке. Замок был новый, железный, с двумя засовами, но у двери осталась щель в сантиметр; под неё по полу тянуло холодом.

На следующий день она пришла в пункт с покрасневшими глазами и впервые за две недели села не за свой стол, а на подоконник, потому что за столом не сиделось. Макар разобрал бумаги, искоса глянул, потом подошёл и закрыл за ней окно.

— Ты что, Ветрова, простудиться хочешь?

— Нет.

— Между прочим, — он вернулся к столу, — мне вчера звонили из дежурки. Про коробку у тебя дома. Это ты так шутишь?

— Это не шутка.

— Тогда пиши рапорт нормально, а не в стол. Тебе кто-то на балкон лезет, а ты у нас одна в квартире, без собаки, без мужа, без ничего. Так дела не делают.

Клара подняла на него глаза. Он смотрел не насмешливо: лицо было тяжёлое, будто он решал что-то про себя, и это длилось секунды три.

— У меня нет никого, — сказала она. — Вы правы.

— Вот. Вот именно. — Он сел, выдвинул ящик, достал оттуда свой телефон. — Дай номер.

— Зачем?

— Затем, что я участковый. Ты работаешь на моём участке. Если с тобой что-то случится, бумажки будут мои. Диктуй.

Она продиктовала. Он сохранил, пролистал что-то, отправил короткое сообщение — её собственный телефон дёрнулся на столе, — и положил свой в карман.

В четверг её послали на проверку адреса в частном секторе: заявление от соседей, что в доме на две хозяина кто-то постоянно жёт в печке что-то с запахом химии. Клара приехала к

трём, калитка была открыта, во дворе лежал свежавывающий снег — первый в этом году, ещё тонкий, — и на нём от калитки к дому шла одна цепочка следов, но обратной не было.

Она вошла во двор, и первое, что бросилось в глаза, — это газонный шланг, прокинутый от колонки к двери, с петлёй на ручке. Шланг был политый водой изнутри и блестел. Второе — приоткрытая дверь с тёмной щелью в палец. Третье — запах. Не химия. Газ.

Клара сделала шаг, потянулась к двери и почувствовала, как сзади её за шиворот, за капюшон, дёрнули назад, всей рукой, — так, что ноги проехали по снегу. Макар развернул её лицом к себе, толкнул к калитке и только потом отпустил.

— В машину, быстро.

— Там газ...

— Я знаю, что там газ, — сказал он, набирая номер на телефоне, и голос у него сел до хрипа. — Я мимо ехал, увидел, что ты во двор зашла, а у дома петля на ручке. Стой у калитки, не подходи.

Газовики приехали через двадцать минут, с сиреной, но без спешки, будто каждый день. Внутри дома горела плита — все четыре горелки, открытые на полную, и духовка; конфорки кто-то залил водой, чтобы газ не пах так резко у входа, но запах всё равно стоял плотный, до головокружения. Макар зашёл с газовиком в маске, вернулся оттуда бледный, на улице долго тёр лицо снегом. Второй хозяин дома, который дал заявление, вернулся к вечеру и сказал, что уезжал к дочери в другой город и отдал ключи «брату соседа». Брата соседа найти не удалось: сосед такого не знал.

Протокол составили, уголовное дело возбудили по факту, но у следствия не было ни лица, ни адреса, ни мотива. Эксперт, который возился с голубями, сказал Кларе в коридоре отдела:

— Девушка, вы бы это, — поживите у кого-нибудь. У вас почерк уже просматривается: сначала письмо, потом птица, теперь газ. Он не спешит, он вас разогревает.

Клара сказала, что поняла. Домой она поехала кружным путём: через центр, потом дворами, дважды свернула наугад и один раз остановилась у магазина просто постоять. У подъезда её ждала машина Макара, тёмная, с залепленным снегом номером. Он стоял у двери, поднимая воротник, и курил.

— Ты чего тут? — спросила Клара.

— Стою. — Он бросил окурочек в урну, посмотрел на неё. — Слушай, Ветрова. Я тебе не нянька и не жених. Но у тебя на балконе коробки сдохлыми птицами, а в трёх кварталах от тебя кто-то крутит вентиль на газовой плите. Это уже не районная история, это тот, кто тебя знает. Так что я сегодня у тебя переночую.

— Не надо.

— Надо, — сказал он спокойно. — Или я тебя утром не отпущу на работу, оформлю как больную. Или звоню начальнику пункта и говорю, что ты отказываешься от охраны. Выбирай.

Клара постояла, глядя на его плечи, на подтаявший снег на рукаве. Потом открыла дверь подъезда и пошла наверх, не оглядываясь. Он поднялся следом, на площадке снял ботинки, вошёл, огляделся: кухня, комната, диван у стены, окно на двор.

— Спать буду здесь, — сказал он. — Дверь запирай на оба засова. Окно на балкон — на щеколду. У тебя, кстати, щеколды нет.

Он остался. Клара дала ему подушку, плед, второе одеяло. Сама легла в комнате, на кровати, не раздеваясь, и лежала с открытыми глазами, слушая, как он ворочается на диване, как звякает кружка, которую он поставил на пол. В час ночи она услышала шаги в подъезде — кто-то прошёл мимо её двери и остановился этажом выше. Потом пошёл дальше. Потом вернулся. Макар на диване сел.

— Слышала?

— Да.

Он встал, босиком, взял со стола нож с кухни и подошёл к двери, приложил ухо к дереву. Стоял так минуты три — она видела его спину, рубашку, натянувшуюся на лопатках. Шаги стихли. Макар положил нож на тумбу у двери и остался сидеть в коридоре, на табурете, так и просидел до пяти. Клара смотрела на его силуэт из-под одеяла, и в груди у неё было не горячо, как обычно после ссор, а тесно.

Утром он сварил кофе на её кухне — нашёл, где турка, где сахар. Налил ей в её же чашку, себе в кружку, сел напротив и сказал, глядя в стол:

— Ветрова, ты вот что. Ты злиться на меня можешь сколько хочешь. Я это переживу. Но ты мне позвонишь, если что. Не в дежурку, а мне. Даже ночью. Поняла?

— Поняла.

— Скажи нормально.

— Позвоню, — сказала Клара.

Тогда он поднял глаза, и она вдруг увидела, что он смотрит на неё не как на коллегу, которой положено писать рапорт красивым почерком. Смотрит долго, будто запоминает — волосы у виска, шрам от кольца на пальце, чашку в её руках. Макар отвёл взгляд первый, встал, надел куртку.

— Всё, я поехал. Обед — в два, привезу.

Он приехал в два, действительно привёз пакет: два контейнера из столовой, хлеб, яблоки. И вечером приехал, и на следующую ночь остался, и на следующую. Однажды утром, когда она выходила из ванной с мокрыми волосами, он стоял в коридоре с её полотенцем в руках и сказал хрипло:

— Дай, я тебе вытру.

Клара не двинулась. Он вытер ей волосы сам, не спеша, от макушки к концам, потом положил полотенце ей на плечи и очень аккуратно коснулся губами виска, возле самой линии волос. Руки у него были холодные, ладони шершавые, и она почувствовала, как у неё перехватило дыхание. И тут же перед глазами встало: коробка на балконе, кирпич, щель под дверью, печатные буквы на четвертинке листа. Она отступила на полшага.

— Макар, — сказала она. — Не надо.

— Почему? — спросил он. Голос был ровный, но полотенце он сжал в кулаке.

— Потому что тот, кто это делает, смотрит на меня каждый день. — Клара сказала это вслух впервые и почувствовала, как стало холодно в груди. — И он видит, кто ходит ко мне домой. Он видит вашу машину во дворе. Он уже написал мне один раз, он умеет ждать. Если вы будете рядом, он сделает что-то с вами. А вы не должны отвечать за меня.

Макар постоял, потом бросил полотенце на стиральную машину.

— Ну и логика. — Он ушёл в комнату, вернулся с курткой. — Значит, я тебе говорю нормально: я взрослый человек, участковый, у меня оружие и четырнадцать лет службы. Я сам решу, за что я отвечаю.

— Я вам не разрешала решать это за меня.

— А я и не спрашиваю разрешения. Я охрану не отменял: сегодня ночью у тебя, утром поговорим.

Утром он ушёл раньше неё и оставил на столе записку: «Кофе в турке. Замок поменял, ключи на гвозде, третий себе оставил. М.» Клара прочитала, поставила листок под сахарницу и поехала в пункт с ощущением, что в её квартире стало на одну вещь больше, а в её жизни — на одного человека.

Макар после того утра переменялся. Он больше не переставлял её термос и не передразнивал её голосом; он работал. Разложил на своём столе карту района в четыре склейки и начал черкать по ней фломастером. Соловьёва, дом с газом, её подъезд, её балкон, автобусная остановка у рынка. Точки складывались в круг с центром примерно там, где стоял её дом.

— Смотри, — сказал он ей через три дня, постучав пальцем по карте. — Он не по городу гуляет. Он вокруг тебя ходит. Значит, знает район. Значит, живёт здесь или работает.

— Я это уже вижу, — сказала Клара. — Я опросила сто двадцать квартир по кругу.

— И что?

— Никто ничего. Одна женщина на Кирова сказала, что видела мужчину у арки: молодой, в капюшоне, с сумкой. Она его не разглядывала и не считает подозрительным. Просто «мужчина ждал, потом ушёл».

— Сумку?

— Да. Спортивную, серую.

Они занялись списками: жильцы в радиусе километра, приводы, отказники, психиатрические учёты, которых отдел не трогал годами. Клара сидела над папками до одиннадцати, и Макар сидел с ней, изредка уходил за кофе в автомат на первом этаже и ставил перед ней стакан, не спрашивая. В те вечера в кабинете было тепло и почти мирно, и оба делали вид, что не замечают этого.

В декабре в списках всплыла фамилия. Кузьмин Виталий Андреевич, тридцать два года, зарегистрирован по адресу в двух кварталах от её дома; год назад участковым же разбирали заявление от его матери, что сын закрылся в комнате и не разговаривает, но она его отозвала. Ни приводов, ни дел. Клара прочитала фамилию и остановилась — так, что Макар заметил.

— Ты чего?

— Ничего. — Она читала строку ещё раз. Виталий Кузьмин. Витька. Тот, кто сидел с ней за одной партой с первого по девятый класс и носил ей в портфеле яблоки, вытасканные из-под ранетки у бабушки, — яблоки были кислые, и она их не ела, а отдавала обратно. Тот, кто написал ей в восьмом классе на тетрадном листе признание и получил в ответ «я тебе ничего не должна». Тот, кого она потом видела на выпускном в углу, с гитарой, на которой он так и не научился играть.

— Витя, — сказала она вслух.

— Что «Витя»?

— Бывший одноклассник. Я его знаю. — Клара закрыла папку. — Витька Кузьмин, фамилия в списке жильцов. Он был со мной в одном классе, потом куда-то уехал, кажется, к отцу. Мать у него живёт тут, на Кирова.

Макар откинулся на спинку стула, долго смотрел на неё.

— Так, — сказал он. — И молчала бы дальше?

— Я не была уверена.

— Ты и сейчас не уверена, зато у тебя про это написано на лице. Собирайся, едем.

Они поехали к дому матери Кузьмина в тот же вечер. Квартира оказалась третья, окна во двор с аркой — те самые окна, в которых Клара видела тень. Мать, женщина в сером платке, открыла, держась за дверь обеими руками, и не пустила их внутрь. Сказала, что сына нет, он снимает жильё, где — не знает, звонит раз в месяц; сказала, что он тихий, что он никогда никого не обидел, а если к нему приходят, значит, кто-то наговаривает. Потом посмотрела на Клару и вдруг сказала:

— А вы Клара? Он про вас говорил. Он вас очень уважал.

Клара смотрела на её пальцы, сжатые на косяке, и на проступающие за спиной в комнате, в темноте, натёртые до блеска полы.

Задержали его через девять дней, в конце декабря, в квартире на съёмной на окраине — однокомнатной, с одним столом, на котором стоял ноутбук и рядом, на подносе, лежали ножницы для сада, секатор и моток тонкой проволоки. В шкафу нашли серую спортивную сумку, в сумке — блокнот в клетку. Блокнот был заполнен мелким почерком, с датами и временем. Клара вышла из дома, где стоит, в семь минут восьмого; на кого смотрит в окно; где оставляет машину; в каких окнах горит свет; какие продукты берёт в магазине на углу. Тридцать восемь

страниц. Последняя запись — вчерашняя, о том, что она вернулась в двадцать один пятьдесят пять и не зажигала на кухне свет семь минут.

Макар читал блокнот стоя, передавая листы следователю, и лицо у него постепенно делалось серым. Потом отдал, вышел в коридор и прислонился спиной к стене.

Клара сидела на табурете в пустой комнате, на той квартире, где делали обыск, и держала в руках стакан с водой, который ей кто-то дал. Из соседней комнаты слышно было, как Кузьмин говорит следователю ровным, спокойным голосом: да, он; да, каждый день; нет, он ничего плохого не хотел; птицы — чтобы она заметила; газ — чтобы она поняла, что он добрался; а в доме он был, но не зажигал, потому что не мог причинить ей вред, это всё чужие, кто-то другой.

Потом его вывели. Он был выше, чем помнила Клара, и худее; голова коротко стриженная, лицо без выражения, руки в наручниках перед собой. Он остановился, когда увидел её, и стоял, пока конвой не потянул. Сказал:

— Клара Николаевна, я вам не враг. Я смотрел, чтобы с вами ничего не случилось.

Макар рванулся к нему, и его успели перехватить двое. Клару отправили домой на служебной машине.

Дело двинулось, но сразу завязло. На коробках отпечатков не оказалось, на кирпиче тоже, перчатки Кузьмин выбрасывал; дом с газом взломали без его следов, замок и вовсе сняли до приезда Клары; свидетелей не было ни одного, а мать на первом же допросе сказала, что сын был дома, с ней. Эксперт писал, что повреждения птиц «не исключают» бытовой характер, а запись в блокноте адвокат назвал «не однозначной». Клара давала показания дважды и оба раза слышала один и тот же вопрос: вы уверены, что между вами и гражданином Кузьминым ничего личного, кроме школы, не было?

Она смотрела на него в зале через стекло: сидел, руки положил на стол, глаза в стену. Двадцать лет назад он вытащил её портфель из лужи, когда портфель порезали мальчишки старшего класса. Один раз зимой отдал ей свои вареники и потом ходил с синими руками весь день. В девятом классе написал на тетрадном листке: «Я тебя люблю, я всё для тебя сделаю». Она тогда отдала ему листок обратно, не прочитав до конца, потому что во дворе ждал Стас из параллельного, с мопедом. Клара помнила этот листок сейчас, с точностью до помарки в середине слова, и от этого в горле стоял ком.

Глава 3

На третьем допросе она сказала следователю ровно то, что сказала: что, вероятно, Кузьмин ею увлечён давно, что действия его она расценивает как преследование и следствие больного состояния, и что она не считает, что его надо за это сажать в колонию, потому что тюрьма его не лечит. Она попросила судебно-психиатрическую экспертизу вместо обвинения. Макар, узнав, развернулся и вышел из кабинета, хлопнув дверью так, что осыпалась штукатурка у наличника.

— Он у тебя крылья голубям подрезал и уехал бы с твоими волосами в сумке, — сказал он ей вечером в пустом коридоре, очень тихо. — Ты о нём жалеешь? Ты вообще соображаешь?

— Он больной человек, Макар.

— Он не больной. Он терпеливый. — Макар стоял близко, у неё над лицом, и дышал быстро. — И он тебя любит, между прочим. Ты только из-за этого. Тебе это льстит, да?

Клара посмотрела на него, потом развернулась и пошла к выходу, ничего не сказав, потому что если бы она сказала хоть слово, то сказала бы лишнее. Дома она закрылась на оба засова, накинула цепочку и легла на диван, не включая свет.

Экспертиза признала Кузьмина вменяемым, но со «стойким расстройством». Дело пере-квалифицировали, материалы передали дальше, и после нового, третьего ходатайства защитника его отпустили под подписку о невыезде, а через два месяца и вовсе оставили на свободе с обязательством наблюдения. Кларе пришли копии документов в конверте, и она прочитала всё

до последней строки, стоя в коридоре пункта, в пальто, с ключами в руке. Макар узнал об этом вечером из сводки, перечитал два раза и очень аккуратно положил лист на середину стола.

— Ну, — сказал он спокойно, без единого повышения голоса. — Молодец, Ветрова. Человечески поступила.

Клара сняла пальто, села за свой стол, открыла ноутбук и до конца смены заполняла журнал профилактических обходов. Руки у неё не дрожали. Она поставила кастрюлю с водой, сварила макароны, поела, помыла посуду, легла в половине двенадцатого. И в двенадцать тридцать услышала в подъезде шаги: ровные, спокойные, без спешки. Они поднялись до её этажа, прошли к двери и остановились.

Она лежала с открытыми глазами и считала: шаги, пауза, шаги, пауза. Потом на площадке звякнуло — что-то металлическое легло на пол, и по двери прошёл удар, не сильный, скорее примерочный. Второй удар был тяжелее; дерево отозвалось глухо, засов дёрнулся в гнезде. Клара скатилась с кровати, взяла телефон с тумбочки и, не включая света, набрала Макара — на третьем гудке сбрасывая и набирая снова, потому что в трубку нужно было ещё и кричать.

Он ответил на первом.

— Он у меня. Ломает дверь, — сказала Клара в трубку, очень ровно, и тут же дверь пошла внутрь: верхний наличник треснул, полотно отогнулось, и в щель просунулась рука в перчатке, шарившая по засову.

— В комнату, дверь на себя, — коротко сказал Макар. — Слышишь? В комнату. Я еду.

Она ушла в комнату, приперла дверь стулом, потом столом, встала у стены между шкафом и окном. В прихожей скрипели половицы, шуршала одежда, потом всё стихло. Клара слышала своё дыхание и больше ничего, и в этой тишине прошло минуты четыре, прежде чем в подъезде загрохотали шаги, уже другие — быстрые, тяжёлые, — и в квартиру влетел Макар с пистолетом в руке, без куртки, в одной рубашке, в налипшем снегу.

Кузьмин был в прихожей, у вешалки. Он стоял и снимал вторую перчатку, аккуратно, как гость, и когда Макар вошёл, он не побежал и не закричал. Просто сказал:

— Здравствуйте. Я к Кларе Николаевне.

Макар сбил его с ног на пол, заломил руки, придавил коленом. Клара вышла из комнаты как раз в тот момент, когда в дверях показались двое из ночного наряда, и увидела своего одноклассника на полу у её вешалки, с разбитой губой, с лицом совершенно спокойным; и увидела, как он ей улыбнулся, лёжа на полу.

— Клара Николаевна, я вам хотел сказать, — проговорил он, пока его поднимали. — Я вас не трону. Я бы никогда.

Он сказал это и на лестнице, и в машине, и потом на допросе. Дело завели уже на настоящий эпизод: проникновение в жилище, повреждение имущества, и на этот раз с понятными, освещённой площадкой, протоколом и свидетелем в лице участкового. Кузьмина арестовали. Клару отвезли в отдел давать показания, а в четыре утра Макар привёз её к себе, потому что её квартира стояла с выломанной дверью и её нельзя было оставлять там.

У него было маленькое жильё, две комнаты, кровать у стены, книги в стопках на полу, зелёное одеяло. Макар открыл шкаф, вытащил футболку и спортивные штаны, положил ей на кровать.

— Душ вон там, полотенце на крючке. Я в другой комнате.

Клара стояла в его прихожей, в пальто, и не могла расстегнуть верхнюю пуговицу — пальцы не слушались, так, будто после бега. Макар увидел это, подошёл, расстегнул ей пуговицу за пуговицей, снял пальто, потом снял с неё сапоги — по очереди, поставив её руки себе на плечи, чтобы она не упала. Он делал это молча и не смотрел ей в лицо. Клара положила ладони ему на затылок, и он замер, на секунду, с её сапогом в руке.

— Макар.

— Не надо, — сказал он хрипло. — У тебя руки ледяные. Иди в душ.

Она не ушла. Он выпрямился, и она обняла его за шею; он был тёплый, от него пахло снегом и порошком, и она почувствовала, как его руки медленно, будто спрашивая разрешения, легли ей на спину, под лопатки, потом ниже. Он поцеловал её в висок, потом в щёку, потом повернул её лицо к себе и поцеловал в губы — так, что она на секунду перестала слышать дом. Дальше всё было снято с них по дороге в комнату: его рубашка, её свитер, заколка выпала и осталась где-то на полу. Он вёл ладонями по её бокам, по груди, тяжело дыша ей в шею, и говорил шёпотом, не то ей, не то себе: «Живая». Клара отвела лямку, и дальше он был очень осторожен, как будто боялся сломать её, и в то же время не отпускал ни на минуту — держал за бедро, за плечо, поворачивал, накрывал целиком, дышал ей в волосы. Она впервые за два месяца почувствовала не то, что нужно стоять и терпеть, а то, что можно просто быть. В какой-то момент он замер, поднял голову и посмотрел на неё почти испуганно, а она прижала его к себе за шею и сказала: «Не останавливайся». После он лежал на спине, положив её голову себе на грудь, и гладил её по волосам, пока она не уснула.

Утром она проснулась от запаха кофе. Макар сидел на краю кровати, одетый в штаны и футболку, с двумя чашками в руках, и смотрел на неё очень серьёзно.

— Ветрова, — сказал он. — Слушай сюда, один раз и без торга. Я тебя больше никуда не отдам и охрану с себя не сниму. Ни сегодня, ни когда там всё закроют, ни через год. Мне сорок один, я тебе всё это говорю не в три часа ночи, а утром, трезвый, с кофе. Либо мы живём вместе и не прячемся, либо ты мне скажешь прямо: нет. Только честно, а не из-за того, что тебе за меня страшно.

Клара взяла чашку, отпила, обожгла язык о край.

— Хорошо, — сказала она.

— «Хорошо» — это да?

— Это да.

Продолжать? Она лежала с открытыми глазами и считала: шаги, пауза, шаги, пауза. Потом на площадке звякнуло — что-то металлическое легло на пол, и по двери прошёл удар, не сильный, скорее примерочный. Второй удар был тяжелее; дерево отозвалось глухо, засов дёрнулся в гнезде. Клара скатилась с кровати, взяла телефон с тумбочки и, не включая света, набрала Макара — на третьем гудке сбрасывая и набирая снова, потому что в трубку нужно было ещё и кричать.

Он ответил на первом.

— Он у меня. Ломает дверь, — сказала Клара в трубку, очень ровно, и тут же дверь пошла внутрь: верхний наличник треснул, полотно отогнулось, и в щель просунулась рука в перчатке, шарившая по засову.

— В комнату, дверь на себя, — коротко сказал Макар. — Слышишь? В комнату. Я еду.

Она ушла в комнату, приперла дверь стулом, потом столом, встала у стены между шкафом и окном. В прихожей скрипели половицы, шуршала одежда, потом всё стихло. Клара слышала своё дыхание и больше ничего, и в этой тишине прошло минуты четыре, прежде чем в подъезде загрохотали шаги, уже другие — быстрые, тяжёлые, — и в квартиру влетел Макар с пистолетом в руке, без куртки, в одной рубашке, в налипшем снегу.

Кузьмин был в прихожей, у вешалки. Он стоял и снимал вторую перчатку, аккуратно, как гость, и когда Макар вошёл, он не побежал и не закричал. Просто сказал:

— Здравствуйте. Я к Кларе Николаевне.

Макар сбил его с ног на пол, заломил руки, придавил коленом. Клара вышла из комнаты как раз в тот момент, когда в дверях показались двое из ночного наряда, и увидела своего одноклассника на полу у её вешалки, с разбитой губой, с лицом совершенно спокойным; и увидела, как он ей улыбнулся, лёжа на полу.

— Клара Николаевна, я вам хотел сказать, — проговорил он, пока его поднимали. — Я вас не трону. Я бы никогда.

Он сказал это и на лестнице, и в машине, и потом на допросе. Дело завели уже на настоящий эпизод: проникновение в жилище, повреждение имущества, и на этот раз с понятыми, освещённой площадкой, протоколом и свидетелем в лице участкового. Кузьмина арестовали. Клару отвезли в отдел давать показания, а в четыре утра Макар привёз её к себе, потому что её квартира стояла с выломанной дверью и её нельзя было оставлять там.

У него было маленькое жильё, две комнаты, кровать у стены, книги в стопках на полу, зелёное одеяло. Макар открыл шкаф, вытащил футболку и спортивные штаны, положил ей на кровать.

— Душ вон там, полотенце на крючке. Я в другой комнате.

Клара стояла в его прихожей, в пальто, и не могла расстегнуть верхнюю пуговицу — пальцы не слушались, так, будто после бега. Макар увидел это, подошёл, расстегнул ей пуговицу за пуговицей, снял пальто, потом снял с неё сапоги — по очереди, поставив её руки себе на плечи, чтобы она не упала. Он делал это молча и не смотрел ей в лицо. Клара положила ладони ему на затылок, и он замер, на секунду, с её сапогом в руке.

— Макар.

— Не надо, — сказал он хрипло. — У тебя руки ледяные. Иди в душ.

Она не ушла. Он выпрямился, и она обняла его за шею; он был тёплый, от него пахло снегом и порохом, и она почувствовала, как его руки медленно, будто спрашивая разрешения, легли ей на спину, под лопатки, потом ниже. Он поцеловал её в висок, потом в щёку, потом повернул её лицо к себе и поцеловал в губы — так, что она на секунду перестала слышать дом. Дальше всё было снято с них по дороге в комнату: его рубашка, её свитер, заколка выпала и осталась где-то на полу. Он вёл ладонями по её бокам, по груди, тяжело дыша ей в шею, и говорил шёпотом, не то ей, не то себе: «Живая». Клара отвела лямку, и дальше он был очень осторожен, как будто боялся сломать её, и в то же время не отпускал ни на минуту — держал за бедро, за плечо, поворачивал, накрывал целиком, дышал ей в волосы. Она впервые за два месяца почувствовала не то, что нужно стоять и терпеть, а то, что можно просто быть. В какой-то момент он замер, поднял голову и посмотрел на неё почти испуганно, а она прижала его к себе за шею и сказала: «Не останавливайся». После он лежал на спине, положив её голову себе на грудь, и гладил её по волосам, пока она не уснула.

Утром она проснулась от запаха кофе. Макар сидел на краю кровати, одетый в штаны и футболку, с двумя чашками в руках, и смотрел на неё очень серьёзно.

— Ветрова, — сказал он. — Слушай сюда, один раз и без торга. Я тебя больше никуда не отдам и охрану с себя не сниму. Ни сегодня, ни когда там всё закроют, ни через год. Мне сорок один, я тебе всё это говорю не в три часа ночи, а утром, трезвый, с кофе. Либо мы живём вместе и не прячемся, либо ты мне скажешь прямо: нет. Только честно, а не из-за того, что тебе за меня страшно.

Клара взяла чашку, отпила, обожгла язык о край.

— Хорошо, — сказала она.

— «Хорошо» — это да?

— Это да.

В пункте они появились вместе, и это заметили в первый же день. Макар завёл машину, подождал, пока Клара сядет, и на выезде, у светофора, взял её за руку через подлокотник — просто, без объяснений. К обеду дежурный по отделу знал уже всё: что участковый с Кирова живёт с новой, что она в пункте полгода, что машину он паркует у её подъезда. К вечеру шутили в курилке, к концу недели перестали — привыкли.

Работа изменилась. Им дали два дела, где нужны были двое; жалоб стало больше, потому что люди охотнее идут к тем, кто друг с другом разговаривает. Макар научился не открывать окно, а проветривать кабинет сквозняком; Клара научилась не отвечать на его замечания сразу, а через десять минут, когда они уже не имели веса. Он приносил в термосе чай для двоих,

она купила вторую кружку — целую, без скола, — и они стояли в обед у подоконника рядом, локтями почти касаясь.

Дома было иначе. Клара перевезла своё к нему за три ходки, оставила квартиру на замке; он выбросил лишние книги в гараж, освободил в шкафу половину, поставил на кухне вторую табуретку. По вечерам он смотрел сводки, она читала, потом оба засыпали рано, потому что подъём в шесть. Утром в субботу он варил борщ по рецепту матери, на две кастрюли, и половину отвозил ей на кладбище, потому что мать умерла четыре года назад и он ездил к ней раз в месяц, всегда один. Теперь ездил с Кларой.

Прошло три недели. В конце февраля Макар зашёл в первый отдел по делу о квартирной краже — забрать изъятые вещи, — и там, у окошка выдачи, его встретила Лена. Бывшая жена. Она стояла с папкой, в шубе, с новой стрижкой, и когда он вошёл, сказала ему «привет» так, будто они виделись вчера.

— Ты тут что делаешь? — спросил Макар.

— Работаю. С ноября. — Она поправила папку. — Я думала, ты знаешь, отдел же общий. Мне квартиру дали по программе, здесь, в районе. Мы теперь соседи почти.

Макар действительно не знал. Он вернулся в пункт к концу смены, и Клара по его лицу поняла, что что-то есть, но он сказал только, что встретил Лену, и что она работает в первом отделе, и что ничего больше не было. Клара кивнула, спросила, как она, и Макар сказал: нормально. Разговор на этом кончился, и оба ночью лежали каждый со своим.

В четверг, в конце смены, в пункт принесли пакет. Курьер, никаких документов, сказал, что заказ на имя Макара: коробка, внутри конверт, в конверте — открытка с видом города и подпись от руки: «С возвращением в район. Скучала. Л.» Макар положил открытку в ящик стола и замолчал на весь день, а вечером впервые за месяц не остался ночевать, сказал, что надо в гараж.

В субботу он пришёл домой поздно, с сумками из магазина, принёс пельмени и бутылку вина, и был необычно говорлив, шутил и дважды предлагал Кларе съездить в отпуск в мае, куда угодно, хоть в Карелию. Они поели, и через час Макара начало мутить. Сначала он сказал, что переел; потом ушёл в ванную; потом вышел оттуда, держась за косяк, весь в холодном поту, с расширенными зрачками, и упал у порога. У Клары в первые секунды встало перед глазами всё сразу — газ, щель под дверью, перчатки, — а потом она уже звонила в скорую и набирала дежурного, и, набрав, кричала в трубку адрес, а не фамилию.

В реанимации у него остановилось дыхание дважды. Откачали. Токсиколог сказал, что в теле нашли следы сильнодействующего препарата — из тех, что не продают в аптеке, — и что, если бы доза попала в первую половину тарелки, а не во вторую, и если бы он был один в квартире, скорая не успела бы. Клару держали в отделе до трёх утра, потом отпустили. Она просидела ночь в коридоре больницы, у дверей палаты, и на рассвете зашла, села у койки. Макар был бледный, с трубочкой в руке, глаза открыл и сказал хрипло, первое:

— Не сама.

— Я знаю.

Он выписался через шесть дней и в первый же вечер, ещё с синяками от катетеров на руках, разложил на столе свою собственную папку. Клара не спорила. Она села напротив и раскрыла свою.

— Пельмени я купила в среду, те самые, в «Пятёрочке» у рынка, — сказала она. — Вино принёс ты. Бутылку открывал ты, я не подходила. Посуду я не мыла после — она вся у экспертов.

— Значит, бутылка.

— Или пакет. Или то, что ты ел до дома. Ты в субботу где был?

Макар задумался, потом потёр лицо ладонью.

— В гараже. Потом заехал в контору, забрал справку на машину. Потом в магазин.

— В контору. Кто там был?

— Никого. Мне отдали справку через окошко, я расписался.

Клара записала. Дальше они пошли по времени: эксперты нашли препарат в бутылке, на горлышке снаружи — следы и ни одного отпечатка, что для крепления руками означало перчатки; пробка на пробке была надрезана сбоку, аккуратно, лезвием, а не сорвана. Продавец в магазине сказал, что вино он взял с верхней полки, сам. Камер у магазина не было, зато была камера у соседнего дома — та, что висит на козырьке аптеки. В записи за субботу, в 19:12, у машины Макара, стоявшей у гаражей, прошла женщина в светлой шубе. Она остановилась, оглянулась дважды, наклонилась к капоту. Дальше пошла к своему подъезду, и камера у подъезда её уже не поймала, потому что фонарь на этом углу горел через один.

Клара смотрела этот фрагмент семь раз. Потом сказала:

— Макар. Шуба светлая, рост сто шестьдесят восемь, походка с заносом левой. Это твоя Лена.

Он сидел и смотрел в экран, не мигая.

— Плёнку надо в нормальном качестве, — сказал он. — Это никто не примет.

— Я знаю.

Дальше они работали тихо, вдвоём, не поставив в дело никого, и Клара впервые увидела, как Макар ищет: медленно, въедливо, без крика, как будто разбирает стену по кирпичу. Он поднял её старые заявления в отделе кадров первого отдела, в которых она указывала место жительства; нашёл, что квартиру ей выдали в конце января, за две сотни метров от гаражей; нашёл её графики дежурств — в ту субботу она была свободна. Клара нашла в её амбулаторной карте два обращения в частную клинику и запрос в лабораторию на препарат, который в клинике ей не выписывали. Запрос был от другой фамилии, но с её телефона.

Через две недели они пришли к следователю с пакетом: распечатка камер, выписка из клиники, график дежурств, копия открытки с подписью «Л.». Макар написал заявление на бывшую жену сам, ничего не сказав Кларе, и подал его утром, в субботу, и в тот же день в квартире Лены прошёл обыск. В холодильнике на верхней полке нашли тот же розлив вина, купленный в том же магазине; в шкафу — ампулы и шприц в жестяной коробке из-под чая.

Лена не отрицала. Она сидела на кухне, в халате, с сигаретой, и говорила следователю спокойно, будто пересказывала чужую историю: что он ушёл, оставив её с кредитом и с ремонтом; что она шесть лет не могла спать; что когда увидела его в отделе, в форме, весёлого, с новой женой, всё вернулось; что она не хотела убивать, она хотела, чтобы он понял, как это; что доза была небольшая, она мерила. Потом посмотрела на Макара, стоявшего в дверях, и сказала:

— Ты же меня бросил из-за ничего. Ты бы и меня так же вылечил, если бы было кому.

Макар вышел из подъезда, дошёл до машины и сел за руль, не заводя. Клара села рядом и положила руку ему на плечо, и он накрыл её ладонь своей, крепко, до боли.

Дело против Лены ушло в суд. Макар ходил на все заседания и на каждом сидел с каменным лицом; Клара сидела на два ряда позади. Срок ей дали условно — с учётом того, что он сам написал ходатайство о снисхождении. Следователь спросил его, зачем; Макар ответил: «У неё мать в Костроме, глухая, и она за ней ездит. Если Ленка сядет, мать останется одна». Ходатайство приобщили. Он говорил это через силу и потом весь день молчал.

Через месяц после суда Лена пришла в пункт сама. Ноги у неё были обуты в туфли не по погоде, она стояла в дверях кабинета и держала сумку у груди двумя руками.

— Макар, я хотела сказать. Я уезжаю.

— Куда?

— К матери. Обратно. В Кострому, там сестра, и мне обещали работу в конторе. — Она подняла на него глаза. — Я не приеду больше. И писать не буду.

Макар смотрел на неё, на столе лежала её открытка — он так и не выбросил, Клара видела её в ящике. Потом он сказал:

— Я тебя не прощаю. Но зла не держу и гнать не буду. Езжай, Лена. И там держись подальше от таких решений.

Она кивнула, поправила сумку и ушла, и дверь за ней закрылась очень тихо. Клара в это время была на выезде, венчала ей на месте медленную примирительную бумагу по соседям, и вернулась в кабинет вечером. Она увидела открытку в корзинке для бумаг, увидела на лице Макара непривычную пустоту и не спросила ничего. Он сам сказал, вешая куртку:

— Ленка заходила. Уехала в Кострому.

В апреле Клару вызвали в управление и предложили курсы: три месяца, очная форма, с аттестацией, а после — должность оперуполномоченного в отделе. Начальник пункта сказал об этом в присутствии Макара, без предупреждения, и добавил, что за него волноваться нечего, участок не развалится. Макар стоял у окна и молчал, а когда начальник вышел, сказал:

— Тебе ехать надо. Не спорю. Но я к этому отношения не имею, ты сама это реши.

— Я и не думала, что ты мне разрешишь. — Клара положила направление в папку. — Я поеду.

Сборы заняли два вечера. Макар ездил с ней в общежитие при учебном центре смотреть условия, проверил замок на двери комнаты, заменил в душе шланг, привёз ей электрический чайник, потому что в комнате был только один на весь этаж. На перроне он держал её за руку до объявления, потом обнял, сильно, до хруста в ключицах, и сказал:

— Триста рублей у меня на телефоне. Звони хоть каждый день, но не по делу.

Он звонил. Первые три недели — каждый вечер, ровно в десять, и рассказывал про участок: у Тумановых всё по-прежнему, Соловьёва завела собаку, из нового — украли велосипеды в трёх подъездах. Клара отвечала про лекции, про практику, про то, что препод по криминалистике спрашивает строже всех. Потом звонки стали реже: он звонил через день, потом через два, потом раз в неделю, и Клара списывала это на весенние проверки — май всегда тяжёлый. В июне он не позвонил дважды подряд. Она набрала сама, он сбросил, потом написал: «На совещании, вечером».

Глава 4

Учебный центр стоял на краю города, в сосновом массиве. Клара училась жадно, брала все дополнительные занятия, и к концу второго месяца её уже ставили в пример. Она вставала в шесть, бегала по кругу вокруг корпуса, потом лекции, потом практика в учебном отделе, где разбирали старые нераскрытые дела. Тогда же она в первый раз услышала фамилию, которая потом держала её всю зиму: Соломатин. Три девушки, один типаж — тёмные волосы, средний рост, спортивная фигура, все в районе новых микрорайонов. Следствие вёл другой регион, материалы ходили в сводках как «серия, предположительно один субъект». Клара прочитала сводку и подчеркнула карандашом строку про типаж, потому что под него подходила и она сама: тёмные волосы, сто семьдесят один, тонкая.

К концу курсов она приехала в центр на автобусе, сдала аттестацию на пятёрки и получила направление на должность опера. Макар не приехал на выпуск, сослался на выезд. Домой Клара ехала поездом двое суток и всю дорогу думала о том, что скажет, и что сказать надо коротко, без претензий, потому что за эти три месяца она привыкла жить одна и ей это шло.

В отделе её встретили шумно: поздравляли, жали руку, ставили чайник. Дежурная по канцелярии, женщина, которая знала всё про всех, налила ей чаю и сказала с сочувствием:

— Ну, а ты-то, Клара, держись. У нас тут без тебя знаешь что было?

— Что?

— Макар-то твой с бывшей сошёлся.

Чай получился слишком горячим; Клара отпила и поставила стакан обратно на подставку.

— Как это «сошёлся»?

— Так. Она в феврале уезжать собралась, потом не уехала, у сестры что-то не сложилось. Ну, а потом он ей машину возил, и на праздники она с ним была, я сама видела. Он к нам в марте приходил справку брать, так она за дверью ждала, в шубе. И на майские они в область уехали, Игнатьев их в Доме культуры видел. — Она вздохнула. — Стало быть, простил.

Клара досидела до конца дня. Она заполнила бумаги, приняла дела по своему участку, подписала три протокола, сложила вещи в новый кабинет — уже на два человека, у окна, с папками на полке. А вечером спустилась вниз, вышла из отдела и увидела знакомую тёмную машину у тротуара. Макар стоял, прислонившись к капоту, в рубашке с закатанными рукавами, и смотрел в её сторону. Клара прошла мимо. Он сказал ей вслед:

— Ветрова.

Она не обернулась. Дошла до остановки, села в автобус, в первый раз за три месяца уехала к своей квартире — она всё ещё была за ней, дверь поставили новую, засов Макар прикрутил в декабре сам. Она поднялась, открыла, включила свет, обошла комнаты. Кровать, шкаф, стол, в шкафу рубашки Макара на плечиках, четыре штуки, его кружка на кухне, его бритва в ванной. Клара сняла рубашки с плечиков, сложила стопкой на стул, поставила кружку рядом. Всё остальное оставила.

На работе она держалась ровно. Утром пришла в семь сорок, поздоровалась с отделом общим «доброе утро», заняла место у окна, разложила папки. Макар зашёл в восемь двадцать, увидел её, и остановился в дверях — с секунду, не больше. Клара в этот момент читала сводку и не подняла глаз.

— Ветрова вернулась, — сказал он нейтрально, на весь кабинет.

— Доброе утро, — ответила она, так же нейтрально, и повернула страницу.

Дальше всё пошло как у людей, которые вместе работают и не более того. Они передавали друг другу через стол документы; он говорил «Клара Николаевна, тут запрос по вашему эпизоду», она отвечала «принято». На планёрках спорили по делу, резко и точно, и начальник отдела дважды отметил, что вот так и надо. Ни разу за две недели они не остались в кабинете вдвоём дольше пяти минут: если работа кончалась, Клара уходила, ссылаясь на выезд, а Макар оставался и сидел над бумагами.

Один раз он задержался у её стола, когда все вышли. Стоял, вертя в руках ручку, потом сказал:

— Клара, я хотел с тобой поговорить.

— Слушаю.

— Не так. Не на работе. Я приеду вечером. Куда скажешь.

— Макар, — Клара закрыла папку и посмотрела на него ровно, — у меня свой адрес, и ты знаешь, где он. Я тебе ничего не устраиваю и не выясняю. Ты живёшь своей жизнью, я своей. Давай дальше так.

Он постоял ещё немного, положил ручку на её подставку и ушёл. Через неделю Клара узнала от дежурной, что из отдела пришёл рапорт на перевод — Макар просился обратно в пункт, на участок, и его отпустили. С последнего дня они обменялись дежурными фразами: он сказал, что оставляет ей адреса и явки по трём нераскрытым кражам, она сказала спасибо. Дверь закрылась, и в кабинете стало тише — так тихо, что стал слышен вентилятор системного блока.

Работа опера оказалась другой: не подъезды, а дела. Она вела эпизоды с кражами из квартир, разбирала телефонные мошенничества, ездила на обыски в качестве понятой и работала с материалами так, что к осени ей отдали два дела в самостоятельное производство. Ходила одна, возвращалась поздно, дома читала, ложилась в половине двенадцатого и больше не вздрагивала от шагов на лестнице. В октябре ей сообщили, что по ночам в районе новых микрорайонов пропадают девушки.

Первая — студентка, ушла с остановки в девять вечера и не доехала. Вторая — продавщица из торгового центра, через две недели: вышла в одиннадцать после смены и не пришла домой. Третья — курьер, в ноябре. Все тёмноволосые, все среднего роста, все спортивные, все ходили одними и теми же дворами между микрорайонами, где не было ни одной работающей камеры. Клара читала сводки, приколотые в деле, и в каждой второй строчке натывалась на приметы, которые знала про себя: сто семьдесят один, волосы до лопаток, тонкие запястья, быстрая походка. Она достала из ящика старую сводку с курсов с фамилией Соломатин и перечитала заново. Совпадало всё: тип, район, время, отсутствие камер.

Начальник отдела собрал всех в конце ноября. Пришла ориентировка из области, там шли по той же серии уже год и не продвинулись. Клару он спросил прямо, при всех, глядя в список:

— Ветрова, ты к этим приметам как относишься?

— Подхожу, — сказала она.

— Тогда ходишь по этим дворам вечерами, но не одна. И не делай из себя приманку без моего приказа.

Две недели она ходила по микрорайонам с напарником, разговаривала с консьержами, смотрела записи с тех камер, что стояли на школах и поликлиниках, составляла карту маршрутов. Она искала, где тропинки сходятся, и нашла: между третьим микрорайоном и старым кладбищем шёл проход через промзону, там был сломанный забор, и через него можно было выйти к дороге, не попав ни в один объектив. По этой дороге шли три автобусных маршрута, и один из них, сто девятый, останавливался у автовокзала.

В начале декабря пришла наводка: свидетель видел мужчину, который сажал в тёмный «Форд» женщину у промзоны, женщина не сопротивлялась, но шла не сама — её вели под локоть. Номер частично известен. Отдел поставил план: задержание на выезде из города, в ночь на четырнадцатое, двумя группами, четыре машины. Клару поставили во вторую группу как опера по связи.

Вечером тринадцатого она допоздна осталась в кабинете, дописывала сопроводилку по трём эпизодам. Уходила последней, в двадцать три сорок, включила во дворе фонарик телефона — лампы в отдельском дворе горели через одну. На улице был лёгкий снег, мокрый, тающий на асфальте.

Она дошла до машины, служебной «Весты», стоявшей в дальнем углу двора, под тополем. Ключи были в кармане, брифинг — в телефоне. Снег шёл ровно, мокрый, и на лобовом уже лежал слой, который она смахнула рукой, когда открывала дверь. В этот момент сзади, из-за капота стоявшей рядом «Газели», шагнул человек.

Он не закричал и не бросился. Он сказал: «Клара Николаевна, не бойтесь», — и это было первое, что она услышала, и от этого голоса у неё на секунду ослабли ноги, потому что голос был вежливый, спокойный, из тех, какими просят налить ещё чаю. Ткань, пропитанная чем-то резким и сладким, легла ей на лицо и на рот. Клара успела ударить назад локтем, попала во что-то твёрдое — по кости, — и услышала короткий выдох, и в ту же секунду земля качнулась. Она рванула руку в карман за телефоном, но рука не послушалась, и ватные ноги подломились.

Последнее, что она видела перед тем, как всё стало серым, — крыша «Весты», припорошённая снегом, и её собственная рука, лежащая на асфальте ладонью вверх.

Конверт с её телефоном позже нашли в снегу у промзоны, вместе с ключами и браслетом. А тело, как решили в отделе, нашли не сразу, а на пятый день: в холодной воде канала за городом, в двадцати километрах ниже по течению, женщина в форме, тёмные волосы, сто семьдесят один. Судебные медики не смогли дать точный ответ — вода и время. Всё остальное сложилось само: свидетельство охранника промзоны, что ночью из этих мест выезжал тёмный «Форд»; следы борьбы у «Весты» во дворе; пустая машина, оставленная на путях с открытой дверью. Через две недели дело по Кларе закрыли как розыскное с выводом о гибели, а в

отделе повесили в холле фотографию с чёрной лентой, и её участок распределили по участкам. Несколько человек из отдела ездили на кладбище к её матери, ставили оградку, ставили цветы на пустой, без тела, участок.

Клару держали в другом месте.

Она пришла в себя в комнате с бежевыми обоями и ковром, в кровати с чистым бельём, и первым ощущением был не страх, а запах — сушёные яблоки и стиральный порошок. На окне были лёгкие занавески, на подоконнике — стеклянная ваза с двумя ветками туи. Комната была на втором этаже большого дома, и за окном стоял парк: гравийные дорожки, липы, дальше — забор из чугунных пик, за ним поле и лес.

Первые недели она почти не вставала. Её тошнило, болела голова, во рту была сухость, а руки не держали стакан так, чтобы не расплескать. Мужчина заходил четыре раза в день: приносил еду, бульон, воду, таблетки, убирал посуду. Он был среднего роста, светловолосый, с короткой стрижкой и очень гладкими руками, всегда в рубашке с длинным рукавом. Он называл её по имени и разговаривал с ней мягко, но не отвечал ни на один вопрос про то, где она и что здесь делает.

— Мы в загородном доме, — сказал он однажды. — Здесь тихо, никто вас не тронет. У вас всё есть: еда, книги, ванная, врач, если что-то понадобится. Я прошу только одно — не пытаться выйти через забор. За территорией овраг и колючая проволока, вы поранитесь, а мне будет неприятно.

Она не могла вспомнить лица матери. Она знала, что где-то есть работа, форма, участок, кто-то, кого нужно поставить в известность, — но вместо подробностей в голове стояла белая мутная завеса, и всякий раз, когда она пыталась пробить её, начиналась такая тошнота, что она садилась на пол и держалась за стену. Из слов она помнила чужие, отдельные: «Ветрова», «рапорт», «Кирова», «Тумановы». Из людей — никого. Мужчина, который приносил еду, называл себя Виталием; через два месяца он начал разговаривать с ней о будущем, о том, что у них будет ребёнок, что он уже купил детскую кроватку в городе, и о том, что она никуда не поедет, потому что она его жена. В доме был священник, который приехал один раз, в марте, и подписал бумаги; на бумагах она увидела свою фамилию, соединённую с его, и там же — штамп.

Она жила в этом доме полгода. Училась различать шаги по коридору: его — медленные, ровные, всегда сначала к кухне, потом к её двери; кухарки — быстрые, семенящие; охранника во дворе — тяжёлые, с задержкой у ворот. Она читала всё, что было на полках: справочники по виноделию, романы, детскую энциклопедию в двух томах, и в детской энциклопедии на странице про глаз нашла гравюру, и долго не могла понять, почему от гравюры с сетчаткой у неё поднимается в горле какая-то усталая знакомая тоска. Своё лицо она видела только в столовой ложке, а зеркал в её комнате не было.

Макар узнал семнадцатого декабря, в конце смены. Он в тот день был в пункте, дописывал отказной материал по драке у магазина, и в кабинет зашёл участковый из соседнего двора, принёс ориентировку с фотографией, чёрно-белой, размытой. Он посмотрел на снимок, потом на строки под ним — фамилия, должность, дата, — и встал. Сказал: «Не она». Потом сел и стал читать документ ещё раз, целиком, до конца, и после этого взял телефон, вышел в коридор и позвонил начальнику отдела.

— Я хочу в группу по этому делу.

— Макар Егорыч, — ответили ему, — группу закрыли. Там всё понятно, там вода и время. Соболезную.

Он приехал на кладбище на четвёртый день и стоял у пустого места дольше всех. Потом пошёл в её квартиру — ключи у него были, — просидел там вечер, ничего не тронул, только подобрал с пола заколку и положил в карман куртки. В марте начальство отправило его на справку по здоровью и предложило взять отпуск. Он отказался. В апреле он запил.

Пил он дома, аккуратно, по вечерам, сначала по триста граммов, потом по бутылке, из недели в неделю. На работе держался, бумаги писал, ходил по подъездам, и если бы не замечания дежурного, никто бы не сказал, что он пьёт. Замечания были: от него пахло, и дважды он заснул в кабинете. В июне его отстранили от участка на две недели, обязали сходить к наркологу. Он сходил, взял справку, продолжил пить снова. Начальник отдела позвонил ему домой в июле и сказал прямо: «Макар, если ты сейчас сломаешься, то всё, чего мы тут стоим, зря. У тебя живой человек был, а не бумажка. Приходи работать». Он пришёл. С августа не пил. И в ту же неделю начал искать.

Искал он нелегально, потому что дело было закрыто, и любая его активность по нему означала рапорт об увольнении. Поэтому он действовал так, как действует участковый: тихо, через знакомых, по своим людям. Сначала он выписал себе всё, что было в деле, из своей памяти и из старых ориентировок, которые успел переписать в блокнот до того, как материалы увезли в архив. Дальше он пошёл по свидетелям, которых в деле не опрашивали: водитель сто девятого, охранник промзоны, ночной сторож автовокзала, уборщицы, два бомжа у гаражей. За полгода он проехал на автобусе весь маршрут сто девятого раз двадцать, в разное время, и один разговор дал ему нитку: у автовокзала в первую неделю марта, в кассе, женщина покупала два билета до Тюмени и обратно в один день, на фамилию Соломатин. Он проверил фамилию по базам, куда имел доступ как участковый, и нашёл одну: Соломатин Артём Игоревич, тридцать четыре года, прописан в областном центре, судимостей нет, занимается «инвестициями в строительство». Он пробил адрес и наткнулся на вторую строчку: отец, Соломатин Игорь Борисович, глава администрации области.

Квартира в городе у Артёма была, но он там не жил. Макар потратил ещё два месяца, чтобы выяснить, куда тот ездит: по квитанциям, по договорам, по покупкам в строительном магазине в районе Заречья; в сентябре он нашёл заказ на септик и газовый котёл с адресом участка в селе Дубровка, в сорока километрах от города, и поехал туда на выходном, в штатском, на своей машине.

Дом стоял на краю села, за высоким забором из чугунных пик, с двумя камерами на стойках и шлагбаумом. Макар проехал мимо, до развилки, и остановился, развернувшись так, чтобы видеть ворота. Через двадцать минут по гравийной дорожке вдоль забора прошла женщина. Он узнал её не по походке и не по лицу — до неё было метров двести, и двор был в тени, — а по тому, как она подняла руку и убрала волосы за ухо, коротким движением, снизу вверх. Клара делала так каждый раз, когда читала.

Макар сидел в машине, не заводя двигатель, долго. Потом включил поворотник и поехал в город — в отдел, но не к себе. Он пошёл к начальнику и сказал всё как есть: адрес, фамилия, то, что видел. Начальник выслушал, постучал по столу, потом спросил:

— Ты точно её видел?

— Точно.

— Тогда слушай, что мы делаем.

Операция заняла девять дней. Официально её оформили не как розыск пропавшего сотрудника, а как проверку по факту незаконного удержания — этого хватило, чтобы получить постановление на осмотр дома и участка, не поднимая шума вокруг фамилии отца. Начальник отдела сходил в область и вернулся с подписью. В группу вошли четверо, кроме Макара, и ему было сказано одно: в дом заходишь последним, потому что если она тебя увидит первой и не узнает, всё может пойти не так.

Поехали в ночь на четвёртое октября, двумя машинами, без сирен. Осенний дождь к полуночи перешёл в мелкую крупу, дорога в Дубровку размокла, и обе машины дважды вытаскивали из колеи. У поворота к дому выключили фары и дальше шли пешком по обочине, через поле, вдоль кустов. Камеры на стойках стояли двумя секторами: одна смотрела на ворота и

дорогу, вторая — на террасу со стороны парка. Макар сидел в кустах у первой машины, в бронежилете поверх куртки, и впервые за десять месяцев чувствовал, что у него не дрожат руки.

Вошли в 02:40. Дом был не заперт на внутренний замок, только на автоматический шлагбаум, и охранник спал в бытовке у ворот. Группа прошла через калитку сбоку, вдоль гравийной дорожки, до чёрного хода. В доме пахло сушёными яблоками. В коридоре на втором этаже горел один бра у лестницы, и в его свете Макар увидел на стене три фотографии, напечатанные на листах А4: женщина на фоне этого же дома, женщина у окна, женщина с двумя ветками туи. На всех трёх она смотрела в сторону, в камеру — впервые за много лет, с той самой миной, которую он знал по кабинету, когда она читала бумаги.

Дверь её комнаты была не заперта снаружи; замок сняли, по-видимому, ещё осенью, оставив в дереве тёмное отверстие. Макар вошёл последним. Клара сидела на кровати, в свитере и спортивных штанах, босая, с книгой на коленях, и смотрела на людей в форме, вошедших в комнату, — без крика, без паники, очень собранно, как смотрят, когда уже давно решили, что однажды это случится, и продумали, как себя вести. Она встала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.